

Текст · 6 августа 2020, 07:21

Олег Зурман,

Критерий выживаемости. На чем построено дело калининградских врачей, обвиняемых в убийстве младенца

Вечером 5 ноября 2018 года в калининградский роддом №4 поступила 27-летняя гражданка Узбекистана Замирахон Ахмедова. Это была не первая ее беременность, весной того же года у женщины случился выкидыш. На учет в женскую консультацию Ахмедова не вставала — как говорится в ее показаниях^[1] следовательно, беременность протекала спокойно, а рожать она собиралась в Узбекистане.

На следующее утро Ахмедова на 24-й неделе беременности родила глубоко недоношенного мальчика с экстремально низкой массой тела — 700 граммов. По оценке Российского общества неонатологов, вероятность выживания таких детей не превышает 5-10%. За несколько дней до этого женщину предупреждали об угрозе преждевременных родов, но от госпитализации она отказалась, снова сославшись на желание рожать на родине.

После родов ребенка перенесли в палату интенсивной терапии и подключили к аппарату искусственной вентиляции легких — у него билось сердце, но самостоятельно дышать он не мог. Для улучшения работы легких ребенку ввели препарат «Куросурф».

К восьми утра сотрудники роддома вызвали из Регионального перинатального центра Калининградской области реанимационную бригаду во главе с врачом-неонатологом Элиной Сушкевич.

— Я посмотрела ребенка, оценила его состояние. На тот момент стоял вопрос о транспортировке ребенка в [перинатальный центр], потому что мы всегда забираем детей на себя, если позволяет их состояние, — рассказывает Сушкевич «Медиазоне». По ее словам, у младенца было низкое давление, шок и температура ниже нормы — 33-34°; ему требовалось переливание крови. Но перевозить новорожденного в таком состоянии было нельзя, считает врач.

Несмотря на принятые меры, продолжает Сушкевич, около 11:00 младенец умер. На следующий день, 7 ноября, в региональное управление Следственного комитета поступило анонимное сообщение: в роддоме №4 врачи «убили ребенка».

Элина Сушкевич. Фото: Виталий Невар / ТАСС

Через неделю — 15 ноября — по подозрению в превышении должностных полномочий с тяжкими последствиями (часть 3 статьи 286 УК) задержали, а позже арестовали исполняющую обязанности главврача роддома Елену Белую; вскоре ее перевели под домашний арест. Сначала Белую обвиняли в том, что она дала медперсоналу указания «принять все возможные меры, чтобы ребенок не выжил» ради экономии^[2] препарата «Куросурф» и потребовала задним числом переписать историю родов, указав, что младенец родился мертвым.

Спустя полгода обвинение Белой переквалифицировали — теперь ей вменяют организацию убийства (статья 33 часть 2 статьи 105 УК). По версии следствия, и.о. главврача не хотела портить статистику младенческой смертности — и поэтому задумала убить ребенка Ахмедовой и скрыть, что он все же родился живым.

Сообщницей Белой СК считает Элину Сушкевич, которая стала фигуранткой дела в конце июня 2019 года. По данным следствия, Белая велела Сушкевич ввести младенцу сульфат магния, инъекция которого и привела к летальному исходу.

Оба врача вину отрицают, в их поддержку выступило российское медицинское сообщество.

Свидетельница

Обвинение против Елены Белой и Элины Сушкевич с самого начала во многом опиралось на свидетельские показания сотрудников роддома №4. Ключевой свидетель — Татьяна Косарева,

заведующая отделением новорожденных роддома №4. На следствии она рассказала^[3], что заступила на смену 6 ноября в восемь часов утра. Чуть позже в роддоме появилась и.о. главврача Белая.

Косарева утверждает, что на совещании с медперсоналом та «выражала недовольство» из-за появления недоношенного ребенка. Кроме того, свидетельствовала Косарева, Белая отчитала коллег за то, что они пытались спасти младенца, который все равно не имел шансов выжить: «Все показатели мне портите».

При этом разговоре присутствовали не только Косарева, но и заведующая родильным отделением Татьяна Соколова и неонатолог роддома Екатерина Кисель, которая оказывала младенцу первую реанимационную помощь. Все они на следствии подтвердили: Белая потребовала сфальсифицировать данные истории рождения и записать ребенка мертворожденным. По настоянию Белой это в итоге сделала акушер-гинеколог Ирина Широкая.

К материалам дела приобщена видеозапись^[4], сделанная Татьяной Соколовой. На ней Белая распекает подчиненных за то, что ее не предупредили о появлении в роддоме недоношенного ребенка.

В материалах дела есть также данные «Глонасс» о том, что бригада перинатального центра выезжала в роддом №4, но Сушкевич почему-то не внесла этот вызов в электронный журнал — по версии следствия, врачи хотели скрыть сам факт выезда к ребенку, которого задним числом решили объявить

мертворожденным. О том, что Белая собиралась договориться с перинатальным центром о сокрытии выезда, на следствии говорила Екатерина Кисель. Она же утверждает, что Сушкевич все же планировала забрать ребенка в центр — до тех пор, пока в ситуацию не вмешалась Белая.

Как утверждают свидетели, Белая потребовала, чтобы врачи пошли к Ахмедовой и сказали роженице, что ребенок родился мертвым. Никто из медиков этого делать не захотел, поскольку мать уже видела младенца живым в кювезе^[5]. Белая же, говорится в показаниях Косаревой, обещала, что экспертиза при необходимости подтвердит внутриутробную смерть ребенка. Косарева утверждает: Белая спросила ее, не знает ли она, что предпринимают в перинатальном центре, «чтобы таких детей не было»^[6]; она ответила, что не в курсе.

После этого, согласно показаниям Косаревой, события развивались так. Элина Сушкевич в палате интенсивной терапии готовила младенца к переливанию донорской крови. Там между Сушкевич и Белой состоялся разговор, свидетелем которого стала, по ее словам, Косарева. Она утверждает: Белая сказала Сушкевич, что помощь неонатолога больше не нужна, и ее отзывает руководство. После этого Белая позвала Косареву и Сушкевич в ординаторскую. Находившихся там сотрудников — всех, кроме Татьяны Соколовой — она попросила выйти и стала кричать, что ребенок все равно безнадежен, а значит, отправлять его в перинатальный центр нет смысла. Затем, показала на следствии Косарева, Белая поинтересовалась у Сушкевич, что «делают с такими

детьми». Неонатолог сказала, что не понимает, о чем речь, но Белая давила, требуя ответа. Тогда, по словам Косаревой и Соколовой, Сушкевич, сказала, что нежизнеспособным детям вводят магнезию, но делают это еще в родильном зале, а не в реанимации.

— Значит идете и делаете! Вы меня слышали?

— якобы распорядилась Белая. По воспоминаниям Косаревой, Сушкевич была в шоке от услышанного, и Белой пришлось ее поторапливать.

После этого, рассказала Косарева следователю, Сушкевич зашла в палату, проверила показатели младенца, достала из шкафа ампулу магния сульфата, набрала 10 миллилитров препарата в шприц, отсоединила от пупочного катетера тройник с подведенными капельницами и ввела магнезию. Согласно показаниям Косаревой, сама она при этом стояла посреди палаты и видела, как после введения препарата частота сердцебиения на мониторе стала падать. Белая присутствовала при этом и, по словам свидетелей обвинения, не позволяла^[7] зайти в палату другим медикам.

Впрочем, на самом первом^[8] допросе Косарева ничего не говорила о магнезии; эта деталь появляется в ее показаниях много позже — в протоколах допросов от 15 мая и 12 декабря 2019 года. В обвинительном заключении первоначальные показания Косаревой не приводятся, однако их в своем открытом письме, опубликованном «Российской газетой», пересказывает глава Национальной медицинской палаты Леонид Рошаль. На прямой вопрос следователя, вводился ли новорожденному Ахмедову

препарат «магнезия», Косарева тогда ответила: «Мной не вводился. Вводился ли кем-нибудь другим, я не в курсе».

При этом и Белая, и Сушкевич настаивают, что ни самой сцены в палате интенсивной терапии, ни даже разговора о введении ребенку магния сульфата не было.

«Тема скользкая. Но порассуждаем... Как вы считаете, может ли человек, которому никто и ничто не угрожает, быть свидетелем убийства? Стоять? Смотреть? Молчать? Не звать на помощь? Не бить по рукам? Не кричать: что вы творите, вы же убьете его? Может не оказывать помощь? Просто смотреть, как умирает ребенок? — [писала](#) в фейсбуке Элина Сушкевич. — Если "может" — так не соучастник ли он? Тогда почему не сидит рядом со мной? А если "не может" — был ли он свидетелем того, о чем свидетельствует? Мог смотреть, как умирает ребенок? Оставил ли он его без помощи в такой ситуации? В опасности? И почему эти вопросы задаю я, а не следователь?».

По словам Косаревой, перед тем, как мальчику ввели магнезию, Белая говорила по телефону с некоей Ольгой Анатольевной — это имя и отчество главврача Регионального перинатального центра Ольги Грицкевич. Грицкевич не отрицает, что в то утро звонила Белой. На следствии она не смогла в точности вспомнить, о чем они говорили, однако уверяла, что не давала указаний вводить ребенку магнезию, и уж тем более, не обсуждала с Белой убийство.

Сушкевич говорит «Медиазоне», что не знает, почему Косарева дала против нее показания, но заверяет, что в то утро все было совершенно не так, как та рассказала следователю. По словам^[9] Сушкевич, у ребенка был тяжелый шок и холодовая травма, что делало невозможной его транспортировку в перинатальный центр. Анализ крови показал низкий гемоглобин и анемию, которые в его состоянии были критическими, объясняет Сушкевич. Косарева по ее указанию ввела младенцу адреналин, а сама она стала делать ему прямой массаж сердца. Это не дало результатов — по словам Сушкевич, примерно через полчаса они вместе с Косаревой констатировали смерть новорожденного.

Две экспертизы

Причиной гибели младенца Следственный комитет в итоге назвал передозировку магnezией. Магния сульфат применяется как противосудорожное, спазмолитическое, гипотензивное^[10] или седативное-^[11] средство; препарат снижает возбудимость дыхательного центра, а в больших дозах может вызвать остановку дыхания.

Калининградское Бюро судебно-медицинской экспертизы, исследовавшее в декабре 2018 года случай новорожденного сына Ахмедовой, пришло к выводу, что смерть наступила из-за «болезни гиалиновых мембран»^[12]. Эксперты заключили, что младенец был нежизнеспособен в силу глубокой недоношенности и незрелости органов и тканей.

Но летом 2019 года повторная экспертиза, которую проводила комиссия во главе с главным неонатологом Минздрава Дмитрием Ивановым, опровергла выводы первой. По мнению специалистов, вывод калининградских экспертов о нежизнеспособности ребенка не соответствует «современным представлениям» и основывается на устаревших критериях выживаемости новорожденных.

На этот раз эксперты обнаружили в печени, почках и желудке умершего младенца «патологическое накопление» магния; они назвали концентрацию вещества «абсолютно смертельной». В почке ребенка концентрация ионов магния превышала допустимое значение «как минимум в 20 раз», говорилось в экспертизе. По заключению специалистов, это говорит о поступлении вещества в организм непосредственно перед смертью—такие показатели нельзя объяснить приемом препаратов магния матерью, тем более что Ахмедова, насколько известно, их не принимала. «Установленной причиной смерти является острое парентеральное отравление сульфатом магния», — гласило заключение. Официальная позиция Следственного комитета — в объективности второй экспертизы сомнений нет.

При этом адвокат Сушкевич Камиль Бабасов, как и сама неонатолог, настаивает, что выводы повторной экспертизы ошибочны — они основаны на данных о влиянии магния на взрослых, но не детей. В разговоре с «Медиазоной» Сушкевич обращает внимание: в литературе, на которую ссылаются авторы исследования, вообще нет данных

о токсической или летальной дозе магния — ни для взрослых, ни для детей. Врач отмечает, что содержание магния в тканях погибшего ребенка (около 400 мкг/г) было в 1,5 раза ниже значений, которые фиксировали у живых младенцев.

«Данных о детях исследователь не приводит. На этом основании следователи делают вывод, что ребенка убили введением смертельной дозы магнезии. Но мы имеем опубликованные данные по маленьким детям. И по ним приведенные исследователем показатели соответствуют нормам, — писал Леонид Рошаль, судя по всему, ознакомившийся с экспертизой. — Просто у взрослых и у маленьких детей многие нормы разнятся. Кроме того, вскрытие было проведено только на четвертый день после смерти, а спектрографическое исследование проведено вообще через пять месяцев после смерти ребенка. Специалисты говорят, что истинные данные мы можем получить, только если это исследование будет проведено в течение часа-двух после смерти, но не через пять месяцев».

При этом коллеги Сушкевич находят смерть от магнезии в принципе «маловероятной». «Полностью мы экспертизу не видели, но сам факт, что младенец был лишен жизни путем введения сульфата магния, вызывает некоторое недоумение у экспертов неонатального сообщества. Различные научные источники информации дают возможность полагать, что это маловероятно. Так говорят наши коллеги. Надо видеть, на какие референтные значения опирались эксперты», — отмечала

представитель Российского общества неонатологов Диана Мустафина-Бредихина.

«Еще можно аскорбинкой, аспирином, физраствором [убить] и всем, что подскажет ваша фантазия, — говорил реаниматолог Антон Волковский. — Но введение магнезии предписано используемым в России протоколом спасения недоношенных младенцев с риском отека мозга». Впрочем, отек мозга у ребенка Ахмедовой зафиксирован не был.

Причиной тяжелого состояния ребенка мог стать сепсис, то есть инфекция, которая передается плоду от матери, предполагает сама Сушкевич.

— Женщина находилась в безводном периоде более 54 часов — воды отошли у нее дома. То есть двое суток ребенок был подвержен риску инфицирования, — объясняет она «Медиазоне». Однако экспертная комиссия исключила эту версию из числа возможных причин смерти. Неонатолог настаивает, что не вводила младенцу магнезию, но признает, упоминала этот препарат в разговоре с Белой, который слышала Косарева — в качестве средства, применяемого во время беременности для профилактики ДЦП у плода.

Мотив

Неубедительным подсудимые и их адвокаты называют и мотив преступления — по версии следствия, они убили младенца ради «искусственного создания благоприятной картины успешной работы» роддома №4 и Регионального перинатального центра.

Елена Белая настаивает, что оценка ее работы никогда не зависела от показателя младенческой смертности. «Нет ни одного документа, согласно которому это как-то негативно влияло бы на статистическую отчетность роддома: при сокрытии данного случая либо, наоборот, [из-за] открытых сведений относительно смерти этого ребенка. Никаких выгод от смерти ребенка ни Сушкевич, ни Белая не получали», — говорил адвокат Белой Тимур Маршани.

Елена Белая. Фото: Виталий Невар / ТАСС

Кроме того, Белая отрицает, что распорядилась сфальсифицировать документы. О рождении мертвого ребенка главврач, по ее словам, услышала от Ирины Широкой, но позже поняла, что ее ввели в заблуждение. Белая также утверждает, что Косарева оговорила ее, чтобы скрыть недочеты в работе собственного отделения и переложить ответственность на начальницу.

Как следует из материалов дела, многие сотрудники роддома нелестно отзывались о профессиональных и деловых качествах Белой. Они называли и.о. главврача «амбициозной карьеристкой» и эмоционально неуравновешенным человеком. Сама Белая во время одного из заседаний, на котором рассматривалась апелляция на домашний арест говорила, что она требовательная руководительница — именно поэтому подчиненные дают против нее ложные показания. Свидетели обвинения в ответ утверждают, что Белая оказывала на них давление, уговаривая рассказать следствию, будто ребенок родился мертвым.

Впрочем, в своих показаниях Белая была не всегда последовательна, и ее слова расходились с версией Сушкевич. К примеру, на первом допросе 14 ноября 2018 года и.о. главврача сказала, что ребенок Ахмедовой был мертворожденным, хотя при этом ему оказывали помощь. Месяц спустя она объясняла следователю, что спутала слова «мертворожденный» и «умерший» — якобы из-за того, что ее задержали и допрашивали после суточного дежурства, когда она сильно устала.

Элина Сушкевич также говорит, что статистические показатели роддома не могли повлиять на ее карьеру, а значит, убивать младенца ради отчетности не было смысла. Более того, врач не подчинялась Белой напрямую.

— Эта зона ответственности не относится ко мне. Я лишь отвечаю за конкретный круг своих обязанностей и за пациентов, но никак не за

статистику. Откуда следователи взяли такой мотив, я не понимаю, — говорит «Медиазоне» Сушкевич.

Врачи против СК, СК против врачей

В невинности Сушкевич и Белой уверены не только их адвокаты, но и многие коллеги. Уголовное дело против калининградских врачей отозвалось кампанией поддержки и солидарности в медицинском сообществе. «Мы уверены — общество, способное поверить в то, что врач может хладнокровно и умышленно лишить жизни своего пациента, стоит у очень опасной черты, за которой произойдет развал всех институтов общественного доверия и согласия», — говорится в заявлении Российского общества неонатологов.

Сушкевич поддержал главный внештатный детский специалист анестезиолог-реаниматолог Минздрава России Сергей Степаненко. «Абсурдная статья. Это идиотизм полный. Можно говорить о врачебных ошибках; а то, что обвиняют в убийстве, преступном сговоре — это полный бред. Ребенок не был оставлен в опасности. Он же в условиях лечебного учреждения находился. Тут бред на бреде! Критериев перевода подобных групп больных не существует. Каждый врач принимает эту проблему самостоятельно. Объективных критериев нет нигде в мире», — рассуждал Степаненко.

Адвокат Сушкевич Камиль Бабасов настаивает, что его подзащитная сделала все возможное, чтобы спасти младенца. С этой позицией согласны многие российские врачи. «Мама нигде не наблюдалась, срок был очень маленьким, ребенок

родился очень незрелым. Раньше бы эту ситуацию классифицировали как "поздний выкидыш", сейчас же за жизнь плода борются, даже если понимают, что в будущем у него могут быть проблемы с развитием органов, — считает директор Женского медицинского центра, акушер-гинеколог Татьяна Кузнецова. — В роддоме решили вызвать реаниматолога из перинатального центра — это значит, что никто этого ребенка убивать не хотел. Сушкевич поняла, что не сможет довезти ребенка до своего центра, поэтому и решила оказать помощь на месте. Не получилось. Такие недоношенные дети выживают редко, даже при современной аппаратуре и технологиях».

Летом 2019 года в поддержку калининградских врачей по всей России проходили уличные акции, а петиция на *Change.org* с требованием объективного расследования дела Сушкевич на сегодня собрала почти 250 тысяч подписей.

В свою очередь глава СК Александр Бастрыкин подчеркивает, что в ведомстве не сомневаются в объективности экспертов, проводивших исследование по делу, а «следователи провели большую работу». «Исходя из их выводов и других доказательств следует, что Сушкевич по указанию Белой ввела смертельную дозу сульфата магния, в результате чего наступила смерть ребенка», — говорил Бастрыкин «Российской газете».

Дело калининградских врачей, обвиняемых в убийстве младенца, будет рассматривать коллегия присяжных — на этом настояла Элина Сушкевич, хотя адвокаты Белой просили о том, чтобы в

деле их подзащитной разбирался профессиональный судья. Адвокаты предполагали, что суд пройдет в закрытом режиме, но ошиблись: несмотря на ходатайства гособвинителя и потерпевшей, судья отказался закрывать процесс.

Хедлайнером общественной кампании в поддержку калининградских медиков на протяжении полутора лет выступал Леонид Рошаль, который сравнил преследование Сушкевич с «делом врачей». Накануне суда он вновь раскритиковал следователей, которые, по его выражению, «подставили» Александра Бастрыкина. Рошаль по-прежнему убежден в невиновности Элины Сушкевич, но радикально поменял тон в отношении Елены Белой, которую когда-то защищал. Он предложил лишить ее диплома за подделку документов, а «врачей Широкую, непосредственно подделавшую историю болезни, и Косареву, давшую ложные показания — наказать».

Редактор: Дмитрий Ткачев

Обновлено в 12:28. Добавлена информация о составе коллегии присяжных и отказе судьи проводить процесс в закрытом режиме, о чем ходатайствовал гособвинитель.

-
1. Есть в распоряжении «Медиазоны».
 2. Розничная цена одной упаковки составляет около 20 тысяч рублей.
 3. Показания есть в распоряжении «Медиазоны».
 4. В обвинительном заключении приводится ее расшифровка. Елена Белая на следствии подтвердила, что голос на записи принадлежит ей.
 5. Инкубатор, обогреваемый бокс с подачей кислорода.

6. Объясняя следователю смысл этой фразы, Белая сказала, будто имела в виду, что ребенка нужно спасать и оказывать ему качественную помощь.
7. Об этом говорят в своих показаниях сотрудницы роддома Алена Кияненко, Мария Легонькая, Елизавета Будникова и Ольга Котлярчук.
8. 14 ноября 2018 года.
9. Ее рассказ совпадает с показаниями, которые она дала следствию.
10. Понижающее давление.
11. Успокоительное.
12. Респираторный дистресс-синдром новорожденных, вызван незрелостью легких.